

Вед. клуб. 1995. - 14 янв. - с. 5.

Кинетический театр — борьба с ограниченностью человеческих возможностей

Так уж сложилось, что летом Саша Пепеляев ставит и показывает свой очередной спектакль где-нибудь за границей, а зимой привозит его в одуревшую от соцреализма Москву. Так было и в прошлом, 1994 году. Собрав интернациональную актерско-танцовщичью команду и погрузив ее на какое-то судно, Пепеляев с товарищами курсировал между портами Балтийского моря и разыгрывал «Корабль дураков» по одноименному произведению Себастьяна Бранта.

Однако до белокаменной «Корабль дураков» не доплыл. И московской публике в театре-студии «Человек» была предъявлена другая пепеляевская работа — необалет «Танцы Замзы», поставленный по рассказу Кафки «Метаморфоза» и впервые показанный в Амстердаме. Как уже неоднократно было отмечено в мировой прессе, танец Пепеляева характерен тем, что способен предельно адекватно воссоздать самые разнообразные процессы — воссоздать кинетически (именно поэтому режиссер-танцовщик называет свою деятельность «кинетическим театром»). При этом такая формальная авторская установка позволяет исполнителю не просто воспроизвести рисунок движения или чего бы то ни было, но и внутренне срастись с изображаемой стихией. Это следует хотя бы из физиологического принципа влияния мимики, жеста и движения на душевный настрой человека. Кстати, после спектакля Пепеляев, сыгравший превращение человека в насекомое, жаловался на некое жжение в глазах. Что же, насекомое действительно смотрит на мир иными глазами.

А пластика «Танцев Замзы» была воистину «членистоногая». Создавалось ощущение, что танцовщик передвигается на шести тоненьких ногах. Даже ползал по стене и висел на потолке. Все это и многое другое, что способна передать лишь видеосъемка, но не слово, достигается за счет высочайшей пластической культуры и благодаря акробатической ипостаси актера. В результате был создан образ одинокого и



несчастливого человеко-насекомого, достойного жалости, но обреченного на смерть. В интерпретации Саши Пепеляева получилась трагедия новейшего времени. Причем эта трагедия допускает и современно-российско-социальную трактовку, однако на это способны, пожалуй, самые горячие головы.

Во втором отделении был «Чай на двоих» — опять-таки премьера необалета, поставленного по мотивам произведений Гете и Пригова. Понятно, что выбор этих авторов, единственная точка соприкосновения которых — жизнь на германские деньги, привел к тому, что чувства, владеющие героями — все тот же Пепеляев в дуэте с Екатериной Хмарой, — раскачивались с огромной амплитудой: сарказм, задушевность, любовный экстаз, ужас, флирт легкий и флирт тяжелый, деспотизм и т. д. — все промелькнуло перед нами, все побывало тут. Я бы определил жанр этой постановки как интонационную импровизацию, густо замешанную на гротеске.

Что же касается пластического рисунка «Чая на двоих», то, дорогой читатель, чем пытаться на великую битву балетной труппы ГАБТа с администрацией, сходили бы уж давно и посмотрели живьем. Но если же вы уверены, что в один из последующих просмотров актер Борис Бабочкин доплывет до противоположного берега реки Урал, то ищите и, несомненно, обрящите.